

рез р), то есть удовольствие без страдания. А так как он между удовольствием и страданием не полагал ничего среднего, он утверждал, что «наслаждение» не что иное, как «отсутствие страдания», что, по-видимому, и разумеет Туллий в первой книге «О границах добра». Из тех, кто по имени Эпикура назывались эпикурейцами, был Торкват, благородный римлянин, унаследовавший кровь прославленного Торквата, о котором я упомянул выше. Другие, являвшиеся последователями Сократа, а позднее – его преемника Платона, приглядевшись более внимательно и увидев, что мы в наших поступках могли грешить и грешили от излишнего и от недостатка, говорили, что поступок наш без излишка и без недостатка, измеряемый мерой, избранной нами же, то есть добродетелью, и есть та цель, о которой сейчас идет речь, и назвали его «добродетельным поступком». И этих философов, как-то Платона и его племянника Спевзиппа, назвали «академиками», назвали же их так по месту, где учил Платон, а именно Академии; и свое название не повели они от Сократа потому, что в его философии ничего не утверждалось. Поистине Аристотель, прозванный Стагиритом, и Ксенократ из Халкедона как благодаря их познаниям, так и благодаря особому и как бы Божественному таланту, вложенному природой в Аристотеля, распознав эту цель при помощи сократического и академического метода, отточили и довели до совершенства нравственную философию; и главная заслуга в этом принадлежит Аристотелю. А так как Аристотель имел обыкновение спорить, прохаживаясь взад и вперед, они – я говорю о нем и о его товарищах – были названы перипатетиками, что означает просто-напросто «прогуливающиеся». Коль скоро совершенствование этого нравственного учения было завершено Аристотелем, прозвище «академики» пропало и все те, кто примкнули к этому направлению, именуются перипатетиками; и люди эти благодаря своей учености управляют в настоящее время всем миром, и учение их вправе называться как бы вселенским мнением. Из чего явствует, что Аристотель есть кормчий и руководитель людей в направлении этой цели. А это и требовалось доказать.

Поэтому если подвести итог, то становится очевидным основное положение, что авторитет верховного философа, о котором идет речь, остается в полной силе. И он не противоречит авторитету императорскому; однако последний без первого – опасен, первый же без последнего как бы слаб, но не сам по себе, а вследствие склонности людей к беспорядку; так что оба они в сочетании друг с другом весьма полезны и исполнены всяческой силы. Недаром в Книге Премудрости написано: «Итак, властители народов, если вы услаждаетесь престолами и скипетрами, то почтите премудрость, чтобы вам царствовать вовеки». А это значит: пусть философский авторитет сочетается с императорским для доброго и совершенного правления. О вы, несчастные, ныне правящие! И о вы, несчастнейшие, которыми управляют! Ибо нет философского авторитета, который сочетался бы с вашим правлением и который возник бы либо из ваших собственных изысканий, либо из мудрого совета, так что ко всем вам можно обратиться со словами Екклезиаста: «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок и когда князя твои едят рано»; и ни одной стране нельзя сказать того, что за этим следует: «Благо тебе, земля, когда царь у тебя из благородного рода и князя твои едят вовремя, для подкрепления, а не для пресыщения». Подумайте об этом, враги Божьи, вы, которые – сначала один, потом другой – захватили бразды правления над всей Италией, – я обращаюсь к вам, Карл и Фридрих, и к вам, другие властители и тираны; поглядите, какие рядом с вами сидят советники, и подсчитайте, сколько раз на дню ваши советники указывают вам цель человеческой жизни! Лучше бы вам как ласточкам низко летать над землей, чем как ястребу кружить в недостаточной высоте, взирая оттуда на величайшие подлости.

VII.

После того как было рассмотрено, в какой мере следует преклоняться перед авторитетом как императорским, так и философским, которые как будто поддерживают приведенные выше мнения, надлежит вернуться на избранный нами путь. Итак, я утверждаю, что последнее мнение, а именно мнение черни, настолько прочно укоренилось, что, невзирая ни на что другое и не подбирая никаких доводов, благородным называют того, кто является сыном или внуком какого-нибудь зажиточного человека, хотя бы он был ничтожеством. А это и есть то, о чем говорится в канцоне:

Так ложных мыслей стая